

ТОММЕН

Манекен для практики, казалось, ухмыльнулся, когда он опустил меч по тяжелой дуге. Соломенные щепки разлетелись во все стороны, закручиваясь в воздухе и приземляясь аккуратным кругом вокруг него.

Манекен все еще стоял, решительный и непоколебимый. У него было золотое лицо, и в представлении Томмена у него были волосы того же цвета, лихорадочные зеленые глаза, толстые червеобразные губы. Беспольный, казалось, говорил он, недостойный. Ты даже не заслуживаешь того, чтобы жить, ты, смешной маленький идиот.

Он поднял меч в воздух, чувствуя, как напрягается от колоссального усилия, и нанес ответный удар по соломенному телу противника свирепым боковым ударом, встретив противника там, где должна была быть его шея. По всему двору до него доносился стук тупой стали о соломенные и деревянные манекены, как и стук турнирных клинков о щиты из вареной кожи и железного дерева.

Ты просто принц, казалось, говорило неповрежденное лицо болванчика. Серебро, на второе место. И ничего больше. Принц. Плакса. Мелкое дерьмо. Слабый маленький паразит.

Он знал, что слова были правдой. Клинок выскальзывал из его хватки, и меч казался железным грузом в его руке. Томмен сделал последний глубокий вдох, впустив в себя весь воздух, который мог, и взмахнул оружием двумя руками в сторону манекена со всей своей силой. Раздался удовлетворяющий треск, и на мгновение он подумал, что расколол его надвое, прежде чем вспомнил, что видел, как это делали только двое мужчин, и одним из них был его отец.

Вместо этого лезвие застряло. Его серебристый край глубоко врезался, войдя под внешнюю оболочку манекена из мешковины и в его соломенное сердце. Это был бы наверняка смертельный удар, только он был несколько испорчен, так как не смог вытащить его обратно.

Он уперся ногой в манекен и потянул его изо всех сил, но тот едва сдвинулся с места. Затем сир Бейлон Сванн хлопнул его по плечу и оттащил на несколько метров. Он взял клинок в одну руку и дернул его вверх, оставив глубокую рану на соломе. «Осторожнее, ваша светлость», — сказал он, возвращая его Томмену рукоятью вперед.

«Не называй меня так», — ответил он, почти не осознавая этого.

«Как прикажете, Ваш — мой господин». Сир Бейлон отвернулся, и они вместе двинулись обратно к казармам. «Вы отлично справились. Для первой тренировки за год... неплохо, но... если позволите спросить, почему вы остановились, да еще в такое важное время?»

Джоффри, он знал. Это был Джоффри. Но он не мог дать такого ответа, поэтому вместо этого он пожал плечами. «Я не знаю», — просто сказал он. «Я просто...».

Сир Бейлон кивнул. «Одгнажды ты сможешь стать очень хорош на мечях, при должной подготовке. Я бы согласился учить тебя, если это угодно Вашей Светлости?»

Томмен даже не потрудился поправить его. «Конечно», — сказал он. «Я не могу придумать никого лучше». По крайней мере, никого из живых.

Лорд-командующий Королевской гвардии опирался на каменное сиденье в тенистой роще прямо за тренировочным двором, его золотой нагрудник тускнел, как бронза во мраке. Сир Джейме казался вполне счастливым, но в выражении его лица было что-то странное, нечто среднее между изумлением и печалью. Возможно, он все еще в трауре по Джоффри, подумал Томмен. Он не будет одинок в этом.

«Ваша светлость». Он опустил голову в странном полупоклоне. «Сир Бейлон, вы можете покинуть нас».

Томмен наблюдал, как рыцарь встал с места и поправил на плечах свой белый плащ здоровой рукой. «Ваша Св...»

«Не называй меня так. Пожалуйста...» Он не мог подобрать нужного слова.

Джейме улыбнулся. «Это нормально» — сказал он. «Когда я впервые вступил в Королевскую гвардию, это было странное дело — все эти великие рыцари и герои обращались со мной как с равным; все эти пажи и оруженосцы смотрели на меня снизу вверх, как на одного из знаменитых белых рыцарей короля». Они начали спускаться по тенистой колоннаде, король в черном, а Королевская гвардия в белом.

«Мой лорд-отец просил твоего присутствия, племянник», — сказал сир Джейме с едва заметной усмешкой. «Тебе лучше не отказывать ему. Он заботится о твоих интересах, я уверен. Как и все мы».

Пауза. «Ты носишь черное по Джоффри?» — спросил рыцарь.

«Да», — сказал Томмен, — «как и ожидалось. И большая часть моего вооружения — чёрного цвета».

«Значит, не по собственному выбору?»

Он не мог открыто признаться в этом, поэтому покачал головой и продолжил свой путь. «Я не могу пойти к твоему лорду-отцу в таком виде», — сказал Томмен. «Надеюсь, он простит мне опоздание».

Джейме пожал плечами. «Конечно. Тебе тоже понадобится время, чтобы собраться с мыслями, я полагаю. Должно быть, это было ужасно... видеть собственного брата... таким». Он положил

здоровую руку на плечо Томмена. «Надеюсь, с тобой все в порядке. С твоей стороны не будет обидно, если ты сошлешься на болезнь — по крайней мере, на этой неделе. Никто не ожидает, что ты...»

«Я в порядке - честно говоря, я в порядке».

«Конечно, — улыбнулся Джейме. — И должен думать, что ты почувствуешь себя намного лучше, когда узнаешь, что справедливость восторжествовала в отношении убийцы твоего брата... будь то твой дядя Тирион или кто-то еще».

«Ты думаешь, что дядя Тирион невиновен?»

Джейме осторожно кивнул. «Да, я часто склонен думать о своем младшем брате только хорошее... но, похоже, у него было не больше причин убивать Джоффри, чем у любого из нас».

Король не ответил на это, по правде говоря, он и не хотел этого делать.

«Ваша светлость?» Джейме остановился у больших дубовых дверей, охраняемых двумя другими рыцарями Королевской гвардии: сиром Меррином Трантом и сиром Осмундом Кеттлблэком.

«Это ваши покои, я полагаю?»

«А...», — сказал Томмен, чувствуя себя немного глупо. «Да. Конечно».

Сир Джейме улыбнулся. «В самом деле... торопитесь. Боюсь, мой отец не будет склонен ждать слишком долго, особенно вашей первой настоящей встречи». Он положил руку на рукоять меча. «Я подожду снаружи».

Томмен старался не задерживаться слишком долго, он знал, что должен выглядеть презентабельно для своей первой встречи с Десницей короля, поэтому он выбрал черный дублет с серебряными пуговицами в форме льва, подол, прошитый золотой нитью, и красную полунакидку с собольим узором. Однако ему было неудобно в ней нормально ходить, поэтому он сложил ее в руках и передал дяде, когда они поднимались по ступенькам в Башне Десницы.

«Башня Десницы», — сказал Джейме в качестве вступления. «Мрачная, зловещая и слишком высокая для меня. Надеюсь, ты не боишься высоты, племянник... и моего отца. У него есть необычная склонность вселять страх в сердца». Он указал на гобелен, на одном из них был изображен золотой лев, втаптывающий в грязь красного льва, и все это на фоне ланнистерского багряного цвета. «Рейны из Кастамере», — сказал рыцарь. «Несомненно, ты слышал эту историю. Надеюсь, ты не боишься привидений, племянник».

Томмен знал эту песню, и теперь дожди льются над его чертогами, и никто не слышит. Затем он вспомнил Робба из его времени в Винтерфелле, и то, как его жестоко сразили на Красной свадьбе, как — если послушать Джоффри — голову Молодого Волка насадили на пику. Он

также вспомнил Брана и Рикона, своих друзей... убитых. Всех их, убитых. Не все из них отошли от этого. В своих снах он все еще видел Винтерфелл.

«Мой отец может непреклонно терпеть обиды, когда ему это выгодно», — говорил Джейме. «Восстание Рейнов и Тарбеков произошло за пять лет до моего рождения, я думаю... и я помню, как видел голову леди Эллин Рейн на стенах Ланниспорта, когда мне было восемь».

Джоффри водрузил голову лорда Эддарда Старка на стену, но ее, по крайней мере, сняли. «Разве она не сгнила?» — спросил Томмен.

«Ты правильно думаешь», — сказал его дядя. «Голова сгнила, но песня не умерла». Остаток пути они прошли молча, пока Джейме не отступил перед парой деревянных дверей, и Томмен не вошел один.

«Ваша светлость». Лорд Тайвин Ланнистер сидел в другом конце комнаты, перед ним лежала стопка бумаг и печатей. Значок Десницы, указывающий на его должность, блестел на его груди, резко контрастируя с его темной туникой, расшитой бархатом. «Садитесь», — сказал он. Его голос был довольно мягким, но в нем были насмешливый тон и чувство командования. Как обоюдоострый меч.

«Вы опоздали», — сказал лорд Тайвин, наливая две чаши вина из графина.

Не вино, понял Томмен, вода... конечно, это будет вода. «Простите, милорд», — начал он. «Я не...

«За что ты извиняешься?» — нахмурился лорд Утеса Кастерли. «Королю не нужно оправдываться за все, что он делает».

«От короля ожидают, что он будет подавать хороший пример двору».

Лорд Тайвин пожал плечами. «А, да... и Джоффри был таким ярким образцом добродетели».

Томмен не был уверен, что ему следовало на это сказать. «А... да».

«Шутка», — сказал его дед, но не улыбнулся. Лорд Тайвин никогда не улыбался. «Ты уже принял решение насчет девчонки Тирелл?»

«Я женюсь на ней», — сказал Томмен.

Лорд Тайвин взял ручку и передал ее ему, затем положил стопку бумаг на стол перед ним. «Это для вашего брака», — объяснил он. «Пакт, скрепляющий союз между Железным Троном, Утесом Кастерли и Хайгарденом».

Томмену там было слишком много всего, чтобы прочесть. Он никогда не был хорош в чтении. Поэтому он просто подписал нижнюю часть бумаги и перешел к следующей. «Помилование лорда Джоноса Бракена», — объяснил он. Вышла следующая бумага. «Указ о легитимации сына лорда Русе Болтона, Рамси Сноу — теперь Рамси Болтона, как можно предположить». Следующая бумага. «Пенни куртизанки. Налог на шлюх, за неимением лучшего слова. И ордера на арест сира Уоррина Беклера, сира Майлза Фаррея, сира Джареми Берлинга». Томмен никогда не слышал ни об одном из них, но все равно их подписал. Только потом он спросил: «Что они сделали?»

Лорд Тайвин одарил его тонкой улыбкой. «Измена», — сказал он и убрал бумаги. «А теперь нам нужно заняться малым советом». Он щелкнул пальцами. «Пошли». Затем он встал со своего стула и пошел по коридору так быстро, что Томмен, следуя за ним, чуть не споткнулся о собственные ноги.

«Я никогда раньше не проводил малый совет», — сказал он, когда они шли по коридору. «Что мне нужно сделать?»

«Править», — неопределенно произнес лорд Тайвин, проталкиваясь через двери в залы совета.

Все остальные уже были там. Пицель и Варис сидели по левую руку, а лорд Мейс Тирелл и Оберин Мартелл по правую. Лорд Джайлс Росби был назначен мастером над монетой несколько дней назад, он сидел рядом с Красным Змеем, а сир Киван Ланнистер был по другую сторону от него. Затем были сир Аддам Марбранд из Городской стражи, леди Оленна Тирелл, которую они называли Королевой Роз, и лорд Матис Рован из Золотой рощи. Лорд Рован замолчал, как только они вошли в комнату, и первым поднялся на ноги в его честь (Пицель, у которого скрипели колени, был последним).

Лорд Тайвин оставил его там, прошел в противоположный конец комнаты и сел во главе стола.

«Ваша светлость», — холодно сказал он с непринужденностью, которая говорила, что он был здесь уже давно, а не только что прибыл, «мы польщены тем, что вы присоединились к нам. Пожалуйста, садитесь».

На дальнем конце стола напротив лорда Тайвина было пустое место, и он сел на него, осознавая, что все они наблюдают за ним. Кресло было неудобно для его спины, и комната в целом была неудобной.

«Ну», сказал принц Оберин, «Это редкое зрелище. Два самых могущественных человека Вестероса вместе в одной комнате».

Томмен почувствовал, что должен что-то сказать. «Пожалуйста, продолжайте, милорды».

Они сделали, как им было велено. Встреча затянулась. Тайвин, леди Оленна и Варис были единственными, кто часто говорил, их противоречивые мнения часто прерывались старческим

хрипом Пицеля, сильными приступами кашля лорда Росби, от которых ему почему-то тоже становилось плохо, или Красной Гадюкой, чьи грубые замечания он любил слушать. Однако дядя Тирион был прав насчет Мейса Тирелла. Он говорил скупой, и только тогда, когда говорил что-то вроде «Я согласен с лордом Тайвином» или «Я считаю, что это правильно, милорд».

Томмену нечего было сказать или сделать, кроме как слушать с выражением, которое должно было быть заинтересованным. Когда он не говорил, глаза лорда Тайвина были устремлены на него, как будто они собирались просверлить дыру в его голове. Вместо того чтобы смотреть прямо на своего деда, он отводил взгляд и просто смотрел на того, кто говорил.

«Ваша светлость, мы определились с датой вашей свадьбы с Маргери Тирелл», — сказал лорд Тайвин через некоторое время. «Подойдет ли вам двадцатый день следующей луны или вы предпочтете, чтобы это было в более позднюю дату?» На самом деле, они вообще не говорили о свадьбе. Он понятия не имел, что бы он предпочел, но не хотел показаться нерешительным.

«Достаточно», — ответил он.

«Уверю вас, ваша светлость, что эта королевская свадьба будет столь же грандиозной, как и предыдущая», — сказал лорд Тирелл. «Дом Тиреллов более чем счастлив взять на себя половину расходов на празднование».

«Хотя, возможно, на этот раз не будет турнира гномов», — сказал лорд Варис, — «Если позволите, ваша светлость, развлечение было более чем безвкусным, и я осмелюсь сказать, что гномы сейчас не так уж популярны в Королевской Гавани».

Он кивнул в знак согласия.

«Это тра-традиционно», — пробормотал великий мейстер Пицель, — «традиционно устраивать развлечения на королевской свадьбе. Например, турнир был устроен, когда король Роберт женился на королеве-матери в Великой септе Бейлора».

«У нас нет ни времени, ни денег», — сказал лорд Тайвин. «Мы и так в долгах, если только дом Тиреллов не захочет заплатить еще и за развлечения».

Мейс Тирелл побледнел под взглядом Тайвина и лениво постучал по столу, надеясь закончить разговор. Леди Оленна улыбнулась. «Конечно», — сказала она. «И мы заплатим за еду, и подарки, и все остальное. Увы, мы всего лишь бедный и нищий дом, и я уверена, что могущественный дом Ланнистеров затмит любое празднество, которое мы можем предложить».

«Мне понравилась последняя свадьба», — заявил Красный Змей. «Больше всего понравились акробаты, танцы и еда. Гномы были немного неприятны, как мудро заметил лорд Варис, и я не думаю, что сейчас подходящее время для насмешек над маленькими людьми. В конце концов, мы видели, на что они способны».

«Хм», — сказал лорд Тирелл. «Я полагаю, на этот раз мы примем меры предосторожности».

«Да, действительно», — прохрипел великий мейстер Пицель. «Не бойтесь, милорды, ваша светлость — у меня под рукой будут противоядия и средства от тридцати различных ядов, как обычных, так и иностранных, — включая душителя, и я позаботился об исследовании методов реанимации и экстренных операций, которые я более чем способен выполнить».

«Сомневаюсь, что Его Светлость оценит, если его будут лапать ваши морщинистые руки», — вмешался принц Оберин. «И ни один дурак не убьет дважды одним и тем же способом, даже если свадьбы становятся все более и более кровавыми с каждым днем».

«В ближайшие месяцы состоится много бракосочетаний», — сказал лорд Варис своим мягким, паучьим голосом. «После королевской свадьбы мы должны подготовиться к выдаче замуж леди Стокворт, леди Крейн, леди Хейфорд...»

«Леди Хейфорд замужем», — сказал лорд Тайвин. «За моим племянником Тиреком».

«Никто не видел Тирека со времен Бунта в Королевской Гавани, милорд. Боюсь, что он, скорее всего, мертв. На самом деле, давно мертв».

«Я не поверю, что мальчик мертв, пока его тело не положат передо мной», — упрямо заявил лорд Тайвин.

«Время от времени люди пропадают», — сказал Варис, — «Как и Санса Старк. Она покинула город, это точно, но сейчас она может быть где угодно от Дорна до Стены, если отправится на лодке. Я проверил в Чаячем городе, Девичьем Пруду, Белой Гавани, но она уже может пересекать Узкое море в Браавос или Тирош. Мои маленькие пташки выслеживают ее повсюду, но никто ее пока не видел».

Томмен горько надеялся, что Санса никогда не будет найдена, потому что тогда он почти наверняка будет вынужден приговорить ее к смерти, а он никогда не сможет сделать этого добровольно. Он был слишком добр — Джоффри заставил его избить детей слуг не так давно, и, несмотря на страх перед братом, он не смог этого сделать, и поэтому сам перенес побои, в два раза сильнее. А Санса... он всегда восхищался ею, в каком-то смысле. Когда она обручилась с Джоффри, они с Мирцеллой пытались предупредить ее о его брате, но она все равно бы ему не поверила. Санса была милой, доброй и красивой, такой же красивой, как Маргери. Выбор между Сансой и Маргери был бы как...

Раздался громкий шум, и он поднялся на ноги вместе с другими членами малого совета.

«Можете идти», — сказал лорд Тайвин. «Мы снова соберемся завтра. Вы останьтесь ваша светлость. Могу вас на пару слов?»

Ему нужно было поймать Мейса Тирелла, и он надеялся, что толстяк не будет спешить, спускаясь с башни.

«Ты молодец», — сказал его дед, когда остальные ушли. «Ты уже сравнялся со своим братом по количеству посещенных тобой заседаний малого совета. Я не думал, что ты будешь таким ревностным».

«Мне нечего было делать, и, кроме того, король должен научиться править».

«Да», — сказал Тайвин тоном, который намекал, что Томмен — идиот. «Он должен. Итак, вы должны жениться менее чем через месяц».

«Королю нужна королева. Чтобы продолжить род».

«Да, это правильно. Как я уже говорил, — холодно сказал Тайвин, — «ты знаешь, как это происходит?»

«Э-э... ну... может быть... я слышал об этом там... в Винтерфелле».

«Хм», сказал Тайвин. «Вероятно, тебя дезинформировали. Хотя сейчас не время для этого. Но это довольно важно, и нам придется как-нибудь об этом поговорить. У меня есть дела, но мы увидимся сегодня вечером».

В конце концов Томмену удалось поймать Мейса Тирелла, уместно названный «Толстый Розан» затаил дыхание у подножия винтовой лестницы. «Лорд Тирелл, не могли бы вы поговорить со мной?» — попросил он, надеясь, что это не прозвучит слишком по-детски.

«Конечно, Ваша Светлость», — ответил Мейс с обеспокоенным выражением лица, и они отправились на прогулку по розовым садам. «Маргери сказала мне, что вы вдвоем катались верхом в Королевском лесу, и ей там очень понравилось», — сказал лорд Тирелл. «Вам следует приехать в Хайгарден — мой сын Уиллас разводит лучших лошадей в королевстве, и там есть много мест, которые можно посетить. Мои извинения, Ваша Светлость. Хотите что-нибудь от меня?»

«Милорд, мне интересно, считаете ли вы, что смерть моего брата была несчастным случаем или нет?»

«Разве ваша светлость не слышали, что великий мейстер не обнаружил никаких препятствий в горле вашего брата? Боюсь, что, похоже, король Джоффри был отравлен, да упокоят его боги. И на собственной свадьбе». Мейс медленно покачал головой, но на его лице была широкая улыбка от того внимания, которое он привлек. Это могло сработать. «Все улики указывают на то, что лорд Тирион несет ответственность, ваша светлость. Хотелось бы, чтобы было иначе. Но я уверен, что вы... любили своего брата и хотите, чтобы его убийца был привлечен к

ответственности».

«Я не думаю, что это был Тирион».

«Но... но лорд Тайвин. Он говорит...»

«Он может говорить одно, но иметь в виду другое».

В глубине души Томмен чувствовал себя ужасно. Он ненавидел этот вид шантажа, он противоречил всем его инстинктам доброты, тому, что значит быть королем, той чести, которую оказал ему лорд Старк, и, что хуже всего, он чувствовал себя Джоффри. «Я говорю вам это только для того, чтобы вы были готовы, но вы не должны никому об этом говорить». В деревьях и розовых кустах он услышал высокий свист птиц. «Хм», — задумчиво сказал Мейс Тирелл и прошептал: «Могу ли я что-нибудь сделать, чтобы... остановить это?»

«Если вы найдете лорда Тириона невиновным, я увижу, как вы будете хорошо вознаграждены. Я король, а лорд Тайвин всего лишь мой слуга. Вы очень умный человек, если сможете найти его невиновным, лорд Тирелл». Это было кратко, но он увидел, как глаза Мейса загорелись и заискрились от похвалы. Он идиот, подумал Томмен.

«Запомни, никому не говори». Содрогнувшись от гордости, он почувствовал, что теперь выполнил свою задачу, и поэтому оставил великого лорда в покое, уверенный, что тот изменил свое мнение.

На следующее утро Маргери уже была в конюшнях, когда он прибыл туда. Ее длинное платье и бриджи для верховой езды сильно отличались от платьев без рукавов, которые она обычно носила.

«Ты сегодня очень красивая», — сказал он, когда они сели на лошадей. Нет, ты, дурак. Ты думаешь, она этого еще не знает?

«Благодарю вас, ваша светлость. Вы выглядите... доблестно», — сказала Маргери, улыбаясь. «Как рыцарь. Я не видела, как вы сражаетесь, ваша светлость, но мой брат говорит, что вы искусный фехтовальщик. Может быть, вы могли бы научить меня?» — признаюсь, я никогда не была склона к мужским искусствам».

Маргери хихикнула, и он сухо рассмеялся из простой вежливости. Когда он заговорил, в его голосе звучала горечь: «Я учился у сира Родрика Касселя в Винтерфелле — он был одним из лучших фехтовальщиков, которых я когда-либо видел». Он учился вместе с Браном. Винтерфелл был разграблен, он сомневался, что даже сир Родрик выжил. Но он плакал по Брану и Рикону.

«Мой брат Гарлан часто сражается с пятью мужчинами одновременно, а Лорас — лучший

рыцарь в королевстве», — сказала Маргери. «Даже Уиллас был прекрасным бойцом когда-то — до своего падения. О, я люблю смотреть турниры», — сказала она, выглядя довольно взволнованной. «Может быть, мы устроим турнир в Королевской Гавани, чтобы отпраздновать нашу свадьбу».

«Свадьба состоится на двадцатый день следующей луны», — сказал он, надеясь, что правильно запомнил.

«Я с нетерпением жду, Ваша Светлость», — сказала она и наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку. «О, и после свадьбы мы непременно должны отправиться в Хайгарден! У нас прекрасные сады, огромные леса и виноградники! Там растут персики и вишни! Мой брат Уиллас держит замечательных животных: гончих и лошадей, даже ястребов! Мы можем покататься верхом, поплавать на реке Мандер, погулять по саду и даже поохотиться! Вы возьмете меня на охоту, Ваша Светлость! О, мы должны отправиться! Это будет угодно Вашей Светлости?»

«Мне было бы приятно, если бы вы перестали называть меня «ваша светлость»», — сказал он, наконец улыбнувшись.

«Хочешь посетить Хайгарден, Томмен?»

«Конечно. Звучит чудесно, миледи», — просто сказал он, и это была правда. Ему нужно было уехать из столицы, из-за подавляющих объятий матери, из-за политики и интриг. И, честно говоря, он всегда был намного счастливее с Маргери и Тиреллами, чем со своей собственной семьей. Ну, с большинством из них.

«Я собирался пригласить мою сестру Мирцеллу и ее жениха принца Тристана в столицу на нашу свадьбу, моя леди».

"О, конечно, я всегда хотел познакомиться с принцессой Мирцеллой. Было бы здорово иметь благородного спутника".

«Я думаю, она вам понравится, миледи».

«Ваша светлость, если вы хотите, чтобы я называл вас Томменом, вы должны называть меня Маргери — или Марджи, если хотите, — так меня называют мои братья».

Их лошади объезжали хребет, откуда они могли видеть раскинувшуюся под ними реку Черноводную. Маргери ахнула.

«Вина, миледи?» — спросил он, стараясь казаться вежливым.

«Да, пожалуйста», — ответила она, слегка рассмеявшись, и сделала большой глоток из предложенного меча.

Здесь они спешили с лошадой и привязали их к дереву, прежде чем сесть на берегу реки. «Здесь есть олени, ваша светлость?» — спросила Маргери. Это был странный вопрос, и он не был уверен, как на него ответить.

«Есть, моя леди. Мой лорд-отец охотился на них в Королевском лесу».

«Разве это не странно?» — спросила Маргери. «Я имею в виду, что твой отец был оленем, охотящимся на оленей».

«Полагаю, да. Я хотел пойти на эти охоты. Я действительно хотел». Гораздо больше, чем Джоффри. К тому же, отец ненавидел Джоффри. «Но он умер прежде, чем я смог. Я смог пойти с лордом Старком». Лорд Эддард Старк научил его значению рыцарства и чести, чего Ланнистеры и Роберт Баратеон были чужды. Он был для них вторым отцом и любил их как собственных детей. Будь он старше, он, возможно, покинул бы Королевскую Гавань прямо сейчас, чтобы сражаться за Молодого Волка против Джоффри. Но теперь он понял всю глупость этой идеи.

«Тебя воспитывал лорд Старк?»

«Мы были его подопечными в течение некоторого времени. У меня было больше братьев и сестер в Винтерфелле, чем когда-либо было в Королевской Гавани», — выпалил он.

"Но, Ваша Светлость, как насчет Ваших родных брата и сестры? Вы ведь их любите?"

Он мог бы сказать всю правду сейчас. «Маргери, я люблю Селлу всеми фибрами своей души. Я не позволю, чтобы с ней что-то случилось, никогда. Мне нужно, чтобы она была на свадьбе. Я уже отправил письма принцу Дорану, чтобы пригласить ее».

Маргери улыбнулась: «Я чувствую то же самое по отношению к своим братьям. Я имею в виду, что Уилласу двадцать пять, и он до сих пор не нашел себе жену. Поэтому я ищу их для него. Леди Санса была вариантом, пока они не выдали ее замуж за этого отвратительного чертенка». Она выплюнула последнее слово таким отвратительным образом, что ему пришлось возразить.

"Вы не знаете моего дядю, миледи. Он гораздо более приятный человек, чем вы могли ожидать".

«В любом случае, Уиллас не молодеет, и он калека. Он не может ходить без трости. Но он очень добрый, обаятельный и умный, как никто другой, кого я знаю», — поддразнила она его.

Томмен покраснел и сделал еще один глоток из бурдюка. Это было крепкое вино.

«В любом случае, пока я ищу жену Уилласу, мне нужно спланировать еще одну свадьбу. Я не хочу ничего такого же громкого и пышного, как предыдущая. Ты не можешь сказать, что твой

брат не знал, как устроить праздник. Семьдесят семь блюд и цареубийство. Обычно ты получаешь одно или другое, а не оба».

Она сделала еще один большой глоток из бурдюка, и он последовал ее примеру.

«Мне не нужны семьдесят семь блюд, — сказал он. — Мне было скучно».

«И не нужно цареубийства», — пошутила она. «Мы не можем пожениться, если ты мертв».

Томмен остановил ее прямо посреди разговора. «Ты... ты... Я не хочу поднимать эту тему, но...

«Говорите все, что считаете нужным, ваша светлость», — пробормотала она.

Он прикусил губу. «Ты... ты думаешь, что мой дядя действительно убил Джоффри? Только...»

Она взяла его за руку. «Ты так не думаешь, не так ли?» Томмен молча покивал головой. «Ну», сказала она, «я сомневалась... если вы хотите, чтобы он был невиновен... я попробую и посмотрю, что я могу сделать... попробую найти ему свидетелей. Вы этого хотите, ваша светлость?»

Он кивнул. Ланнистеры всегда платят свои долги, говорят они. «Спасибо».

«Вам не за что меня благодарить», — тихо сказала она, откидывая прядь волос с его лба. «Вы слишком добры, ваша светлость».

Ты слишком добр. Томмен вспомнил то, что сказала ему тогда его мать. Любовь может быть ядом, сын мой. Сладким ядом, да... но она все равно убьет тебя.